
Доносо Кортес Х. О суверенитете разума, рассмотренном применительно к истории : седьмая лекция из цикла «Лекции по политическому праву», прочитанная в Мадридском Атенео 24 января 1837 г. / пер. с исп. и примеч. Ю. В. Василенко ; вступ. ст. А. В. Марей // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 175–196.

От барда до философа: историческое рассуждение о могуществе разума

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-175-196.

В рамках этой публикации мы вновь обращаемся к «Лекциям по политическому праву», прочитанным Хуаном Доносо Кортесом в мадридском клубе Атенео в 1836–1837 годах. Ранее на страницах нашего журнала публиковалась третья лекция этого цикла (Доносо Кортес, 2017), а еще за два года до того в «Социологическом обозрении» выходили первая и вторая лекции (Доносо Кортес, Василенко, 2015а; Доносо Кортес, Василенко и Марей, 2015b). Сейчас наше внимание привлекла седьмая лекция цикла, в которой Доносо Кортес¹ обращается к проблеме суверенитета разума и приводит историческую аргументацию, обосновывающую его идею. В отличие от предыдущих лекций, интересных прежде всего с точки зрения эволюции политических взглядов их автора, эта любопытна еще и тем, что дает возможность читателю увидеть срез исторических познаний образованного человека первой трети XIX века. Понятно, что историки, жившие и работавшие в то время, владели материалом на другом, гораздо более высоком уровне, но дело в том, что Х. Доносо Кортес как раз не был историком.

Юрист по образованию, философ по сфере интересов, личный секретарь королевы Марии-Кристины, Доносо Кортес являет собой классический пример публичного интеллектуала эпохи. Он, разумеется, знакомился с наиболее яркими новинками исторической науки (например, с той же книгой Ж.-Фр. Шампольона по египетской иероглифике), но в основном довольствовался тем, что сейчас назвали бы «научно-популярной литературой» — скорее, «введением в историю», нежели самой историей. Его начитанность имела иной характер: более философский, чем исторический. Он знал и ценил творчество Джамбаттисты Вико², влияние второй

¹ О биографии Доносо Кортеса можно прочесть, например, здесь: Василенко, 2017.

² См. как произведение самого Доносо Кортеса (Donoso Cortés, 2004–2005), так и исследование Х. Вильялобоса относительно взаимосвязи текстов Доносо Кортеса и Дж. Вико: (Villalobos Domínguez, 1991).

книги «Новой науки» которого прослеживается в тексте приведенной ниже лекции. Сложно утверждать, читал ли Кортес Канта — у нас нет для этого достаточно информации — но, безусловно, он был знаком с идеями великого немца. Источником этого знакомства выступило, скорее всего, знаменитое в ту пору сочинение Торибьо Нуньеса Сессе «Начала социальной науки, или О науках моральных и политических», в котором автор достаточно подробно пересказал соответствующие идеи Иеремии Бентама, сопоставляя их с идеями Канта (Núñez Sesse, 1755). Прекрасно знал Доносо Кортес и труды французских просветителей, как, впрочем, и их политических оппонентов — родоначальников французского консерватизма.

Прежде чем обратиться непосредственно к краткому анализу седьмой лекции, необходимо представить ее в контексте читавшегося Доносо Кортесом курса, поскольку в противном случае целый ряд концептов, используемых в ней, или останется непонятным для читателя, или, что, возможно, еще хуже, будет им неверно истолкован. Кортес начинает свои лекции с размышления о том, что такое «общество» (*sociedad*) и терминологическая пара «правление / правительство» (*gobierno*), а затем — во второй лекции — обращается к концепту суверенитета. Эти понятия станут его путеводной нитью — тем светом, следуя за которым он и прочтет весь курс в Атенео. При этом очевидно, что каждое из названных понятий представляет собой достаточно сложный конструкт, предполагающий для своего постижения необходимость самостоятельной аналитической работы.

Уже при рассмотрении понятия «общество» в философии Доносо Кортеса появляется и концепт «разум» (*inteligencia*). Как он отмечает еще в первой лекции (Доносо Кортес, Василенко, 2015а: 33–34):

Человек признается разумным и свободным, находящимся в отношениях с Богом, с миром природы и с остальными людьми. [...] этот человек видит перед собой других людей, и отношения с ними конституируют и дополняют его. Его разум, благодаря которому человек понимает Бога, мир и самого себя, помогает ему понимать людей, окружающих и изменяющих его, осознавать, что они свободны и разумны, как и он.

И дальше, переходя к понятию общества, он утверждает (там же: 35):

...люди не смогли бы жить вне общества, поскольку не смогли отречься от своего разума, сделавшего общество необходимым; существование одного разумного существа логически предполагает существование многих разумных существ, потому что воображение не воспринимает разум, живущий только

своей внутренней жизнью. Таким образом, там, где много разумных существ, существуют взаимные и упорядоченные отношения, так как невозможно предположить существование многих разумов, не вступающих между собой во взаимоотношения. Там же, где существуют взаимоотношения между разумными существами, логически и исторически существует общество; таким образом, общество имеет характер исходный и не датируемый, и человек его не создает.

Таким образом, разум признается Кортесом причиной существования общества, а само общество мыслится им логически и сущностно предшествующим индивидам, составляющим его³.

Разум определяется Кортесом как способность познавать (*facultad de conocer*), при этом подчеркивается, что это — активная способность человека. Кортес отделяет «разум» от «ума» (*razón*). Можно предположить, что «ум» представляет собой мыслительную способность *in potentia*, тогда как «разум» — это познающая способность *in actualitate*. Говоря иначе, ум не совершает никакого действия, он пребывает в покое, храня в себе все доступное ему знание, тогда как разум направлен на познание нового, освоение еще неизвестного, он постоянно активен и постоянно пребывает в состоянии действия. Косвенным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что ум, хотя и присущ также и человеку, прежде всего осознается Кортесом как «ум Божий» (или — «абсолютный ум»). Разум же, напротив, приписывается им исключительно человеку (как индивидам, так и человеческим обществам (*sociedades*)).

Теперь вернемся к проблеме соотношения индивида и общества, столь занимавшей Кортеса в первой лекции. Он возвращается к ней и в седьмой, хотя и с несколько неожиданного ракурса, уподобляя общества отдельным индивидам. С логической точки зрения подобный ход возможен и даже ожидаем: в первой лекции Кортес утверждает, что индивид как существо разумное невозможен вне общества и что общество, как мы видели из приведенной выше цитаты, предстоит любому индивиду, а следовательно, определяет его сущностные свойства. Однако при внимательном прочтении седьмой лекции можно обнаружить любопытную деталь: в одном месте у Кортеса проскальзывает понятие «тело народа» (*cuervo de nación*). Эта оговорка показывает, что его восприятие взаимосвязи общества и индивидов, составляющих его, покоится не

³Здесь очевидно влияние философии Аристотеля, но в данном случае это не главное, поэтому отметим его и пойдем дальше.

только (а, возможно, и не столько) на аристотелианской презумпции первичности полиса по отношению к человеку, но и на свойственном христианской политической мысли уподоблении народа единому мистическому телу, уподоблении, отсылающем нас к знаменитой метафоре апостола Павла.

И возможно, не случайно, что не индивиды, а именно общества становятся основным объектом внимания Доносо Кортеса в публикуемой нами седьмой лекции. Кортес прослеживает свойственный каждому обществу путь от рождения — через зрелость — к дряхлости и, возможно, хотя он сам этого не говорит, — к дальнейшей смерти. На разных этапах существования обществ свойственен разный тип разума — от младенческого до дряхлеющего. Последнего Кортес практически не касается, старательно обходя стороной как его отличительные черты, так и его персонификацию, центрируя свое внимание на предшествующих стадиях.

Разум, свойственный обществам на первом этапе их развития, получает свое воплощение в образе барда и воина, можно — в одном лице. Идеалом такого воинствующего певца Кортес видит Одина, которого, следуя Полю-Анри Малле (Mallet, 1755: 38), он представляет смертным человеком, вождем древних скандинавов, впоследствии обожествленным ими. Следующий этап характерен господством разума взрослеющего, воплощением которого становятся пророки и законодатели, в качестве примеров которых Доносо Кортес перечисляет Моисея, Солона, Ликурга и иных. Наконец, третий этап, который описывается Кортесом только применительно к обществу Греции, — это зрелость, когда персонификацией социального разума становятся философы. За философами, если продлить эту линию, приходят софисты, которых Кортес, впрочем, уже не называет воплощением социального интеллекта. Напротив, с ними связаны упадок и умирание общества, они появляются, *«чтобы свести в могилу народы, бьющиеся в агонии, когда разум оставил их, а боги прокляли»*.

Завершить это небольшое предисловие к переводу стоит кратким обзором исторического процесса, как его видит Кортес, и места в этом процессе современной ему Испании. Как и в первой лекции, он выделяет общества древнего Востока, *«стонушие под ярмом теократии»*; только если в первой лекции Кортес не уточняет, какие именно общества его интересуют, здесь он называет древнюю Индию и древний Египет. И там, и там его взор привлекает кастовое общество, подвластное верховному владычеству жрецов. Кортес характеризует эту ситуацию

как доминирование «алтаря над тронном», которое он считает гибельным и не имеющим дальнейшего развития. Здесь нельзя не заметить своеобразную игру метафор, безусловно, внятную слушателям Кортеса и обладающую для них острой и, можно даже сказать, болезненной актуальностью. С одной стороны, испанская монархия, начиная как минимум с середины XVI века, характеризовала себя устами публичных интеллектуалов как «союз трона и алтаря», где «алтарь», то есть Церковь, занимал подчиненное положение по отношению к «трону», то есть к монархии. И, показывая гибельность верховенства алтаря над тронном, Кортес мог тем самым подчеркивать прогрессивный характер национальной испанской монархии. С другой же стороны, лекция читается в сочельник 1837 года, то есть в самый разгар знаменитой дезамортизации церковных имуществ, предпринятой по инициативе министра испанского правительства Хуана Альвареса де Мендисабалья. По всей стране закрывались монастыри и конвенты, их имущество распродавалось на аукционах, их насельники в буквальном смысле выкидывались на улицу. Подобный «разрыв трона с алтарем» не мог оставить Доносо Кортеса безразличным: будучи верным католиком и входя в партию *модерадо*, т.е. умеренных консерваторов, он неизбежно относился к подобным мероприятиям без всякого одобрения.

Альтернативу древнему Востоку, как и в первой лекции, Кортес видит в обществе древней Греции. Но и эта альтернатива не устраивает его, если в седьмой лекции он саркастически насмехается над греческим обществом, говоря о народе, *«погребенном под лаврами, поскольку каждый из его сыновей сплетал себе свой собственный венок»*. Предельный индивидуализм, который Кортес видит в греческом обществе, так же отталкивает его, как и крайняя степень коллективизма, определяющая в его глазах общества древнего Востока. Спасение Кортес находит в образе Рима, который, несмотря на сказанное в первой лекции цикла, характеризует лишь самым положительным образом, отмечая крепость римской конституции и крайнюю живучесть Республики. Знаменательна еще одна вещь: в отличие от начала цикла, в котором он прошел по истории дальше, дав характеристику Средним векам и становлению испанской монархии, в седьмой лекции Кортес фокусирует внимание на Риме, отдельно проговаривая тот факт, что Рим смог остановить даже германцев, то есть кимбров. Именно Рим приходит на смену Греции, истощенной софистами. Рим, который чужд их пустословию, Рим, обладающий не обманывавшим его чутьем *«на все, что помогает расти и сохраняться»*, стал своеобразным лекарством от софистов, способом

их преодоления. И возможно, заканчивая свою лекцию коротким гимном в честь молодежи, которой надлежит смести современных ему — Доносо Кортесу — софистов, он видел в Испании эпохи Марии-Кристины достойного преемника Рима периода республики.

А. В. Марей, к. ю. н., доц. (НИУ ВШЭ)

ХУАН ДОНОСО КОРТЕС

О СУВЕРЕНИТЕТЕ РАЗУМА, РАССМОТРЕННОМ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИСТОРИИ*

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕКЦИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРАВУ»,
ПРОЧИТАННАЯ В МАДРИДСКОМ АТЕНЕО 24 ЯНВАРЯ 1837 Г.

Господа,

В предыдущей лекции мы положили начало разбору учения, которое служит основанием представительному правлению; учения, которое, будучи единожды воплощено в политических институтах Европы, должно положить конец всем реакционным началам, должно заявить свои права на будущее, принадлежащее ему, должно править миром. В ней мы увидели, что, если всякая власть должна предложить подданному гарантию успеха и если эта гарантия всегда должна быть соразмерна полномочиям, принимаемым на себя властью, тот, кто провозглашает себя всемогущим, должен быть непогрешим, потому что непогрешимость — единственная гарантия всемогущества. Так, мы отрицаем всемогущество народов, поскольку они не непогрешимы; мы отрицаем всемогущество королей по той же причине. Не находя непогрешимости в мире, мы помещаем ее на небе, не будучи в силах найти ее в человеке, мы утверждаем ее в Боге; и если мы не можем найти ее в человеческом уме, мы ищем ее в уме абсолютном. И раз, господа, он единственный непогрешим, он же и всемогущ.

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Ю. В. Василенко (ORCID: 0000-0001-7865-6497), под. ред. А. В. Марей (ORCID: 0000-0001-6185-0453). Оригинал: *Donoso Cortés J. Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección séptima. 24 de enero de 1837. De la soberanía de la inteligencia considerada en la historia // Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. En 4 vols. Vol. III. — Madrid : Casa Editorial de San Francisco de Sales, 1904. — P. 223-240.*

Если социальное всемогущество — это власть, которая подминает своим весом людей, провозглашающих ее для себя, и народы, склоняющиеся под ней, ограниченный суверенитет становится элементом, необходимым каждому обществу. Вопрос о суверенитете, приведенном к его истинным пределам, заключается в том, чтобы выяснить, в каких руках должно находиться правление, чтобы ему достичь своей цели в человеческих обществах. Если его цель в том, чтобы сохранить, и если сохраняют лишь только те, кто предвидит; если предвидеть могут лишь существа разумные и если сохраняют лучше те из них, кто наделен большим разумом, потому что они лучше предвидят, право управлять также имеют наиболее разумные, потому что лишь они способны предложить гарантии, соразмерные власти, которой они облечены.

Следовательно, существует два вида суверенитета: суверенитет юридический и суверенитет фактический, суверенитет полный и суверенитет ограниченный, суверенитет Бога и суверенитет человека, суверенитет абсолютного ума и суверенитет разума.

Лишь последним мы и должны заниматься. Ум уже показал нам свои основания; посмотрим, подтверждает ли их история. И если в произвольном развитии и в трансформациях народов, которые рождаются и растут, разум есть то единственное, что ведет их по их пути и открывает им их судьбу, мы вправе утверждать, что единственно он правит миром, так как только он порождает идеи и господствует над фактами.

Прежде всего зафиксируем значение слов: разум, рассмотренный сам по себе, есть не что иное, как способность познавать; при этом его можно рассматривать и как активную способность человека. И раз человек проходит период детства, возмужания и дряхлости, то и разум его, подчиняясь законам человеческого развития, следует за ним во всех его изменениях. Потому существует разум, свойственный дряхлости, и состоит он в способности познавать вещи, которые могут быть постигнуты также и дряхлыми стариками. Иной разум свойственен молодости, и состоит он в способности познавать все идеи, которые подвластны человеку в состоянии его наиболее полного развития. Наконец, еще один, свойственный детству, состоит в способности познавать все, что нарисовано на недалеком горизонте, вспыхивающем блестящими красками зари жизни. Человек, будь он дитя, взрослый или старый, может изменяться в силу особых обстоятельств, влияющих непосредственно на развитие его разума, долженствующего отражать все свои изменения. Вы видите, что разум одновременно всегда один и тот же (ведь это всегда способность познавать) и при этом другой, потому

что, будучи заточенным в нашем теле и подчиненным его законам, он изменяется под воздействием всех их пороков, равно как и проходящего времени. Вы видите также, что человек есть существо, равное самому себе (потому что он всегда разумен) и в то же время отличное от самого себя в разные периоды жизни и существования. Так, господа, человек различен и един, множественен и идентичен. Поскольку он един, существует человечество; поскольку отличен, существуют индивиды, ведь индивиды являются результатом и выражением всех его различий, а человечество есть результат и выражение всех его гармоний.

Мы только что увидели, как проявляется разум в человеке; посмотрим, как он проявляется и реализуется в человеческих обществах.

Общества — как и человек — наделены разумом; и, как и в индивидах, разум в обществах подчиняется закону социальных изменений. Далее, господа, народы рождаются, растут и вырождаются; и один разум свойственен вырождающимся народам, иной — народам растущим, третий — тем, что только рождаются. Поэтому социальный разум, как и разум человека, един в силу того, что это всегда способность познавать, и многообразен, поскольку постоянно меняется. Так, Ньютон похож на всех людей, потому что является человеком, а отличается потому, что он — Ньютон. Испания похожа на все общества, поскольку сама является обществом; отличается же от всех обществ, потому что это общество испанское. Единство и многообразие сосуществуют как в человеке, так и в мире.

Из этих наблюдений получается:

- (1) Социальный разум, взятый в истории, является не разумом абстрактным, неизменным, всегда идентичным самому себе, но, напротив, разумом конкретным, локализованным в пространстве, измененным под воздействием времени. Это разум, который, одухотворяя человеческие общества, следует за ними во всех их революциях и меняется вместе с ними;
- (2) Если это так, не стоит искать общественный разум младенческого типа в обществе взрослом или разум варварского типа — в обществе цивилизованном. Ведь разум народа, который движется едва-едва, поскольку только родился, не может быть идентичен разуму народа, который растет и развивается. В конце концов, господа, то, что я хочу показать вам, если вы удостоите меня вашим вниманием: разум, свойственный народам рождающимся, всегда превалирует в таких народах; разум, свойственный народам растущим, будет играть в них ведущую роль; разум, свойственный

цивилизированным обществам, будет превалировать аналогичным образом в обществах, достигших зенита цивилизации и высшей точки своего развития. Следовательно, господство над миром принадлежит разуму, раз так утверждают и ум, и история.

Теперь, господа, какой разум будет свойственен рождающемуся обществу? Это будет способность познавать все необходимое, чтобы обезопасить его детство против чудовищ, угрожающих ему, против врагов, окружающих его. Все необходимое для победы, ведь для этого общества побеждать и значит существовать. Из двух борющихся племен более разумно то, которое пьет кровь своих врагов из их же черепов, потому что для рождающихся народов победа и есть разум.

Не судите о победившем племени по его отношению к племени побежденному — смотрите на него, когда оно готовит оружие для боя, когда оно идет на поле битвы и просит у Бога своих предков или смерти храбрецов, или жизни героев.

Кто те два вдохновенных человека, которые одним словом поджигают смятенную толпу, а другим словом успокаивают бурю, что рвется из сердца сыновей пустыни? Это бард и вождь, то есть человек, который побеждает, и человек, который делает победу возможной; потому что воин исполняет то, что провозгласил пророк; меч вершит то, что обещает лира.

Когда восторженный пророк, обещающий бессмертие в своих гимнах, — это тот же, кто побеждает на поле битвы; когда на его челе блистают одновременно и луч надежды, и луч славы; когда в нем сочетаются два высших вдохновения — поэзии и войны — тогда перед этим человеком, вдохновленным и благословенным небесами, падают ниц все остальные люди; перед этой главой, отмеченной двойным вдохновением, склоняются все прочие головы. Его господство над племенем, следующим за ним, заволаживает. Его голос заставляет подчиниться, когда он командует, и пленяет, если он поет, ведь голос его — это голос Сирены во всякое время, когда не голос небес.

И едва ли, господа, эти детали даны мне поэзией, я нашел их в истории. Она подтверждает правдивость этих наблюдений на всех страницах, посвященных описанию состояния общества у примитивных народов; поскольку я не могу приводить ее свидетельства столь тщательно, как бы мне того хотелось, потому что иначе будут нарушены узкие рамки этих лекций, позвольте мне привести лишь один пример, который достаточен для достижения моей цели.

Среди рас Севера, которые, будучи приведены Провидением на похороны империи, словно в пиришественный зал, совершили самую грандиозную революцию, что только знали до сего времени, есть одна. Самая крепкая, самая независимая, самая свирепая из всех, она стала бичом Божьим для морей и народов и оставила глубокий и широкий кровотокающий след везде, где устанавливала свои знамена, везде, куда распространяла свое жестокое господство, наконец, везде, где подобно пирату или конкистадору она оставила доказательства своей пагубной мощи. Я говорю, господа, о скандинавской расе.

Она была первой среди рас Севера, которая вторглась в Италию, словно буря, в 111 г. до н.э.¹ в годы консульства Цецилия Метелла² и Папирия Карбона³; их воины тогда носили имя кимвров. Рим в то время был в зените своей власти и славы, но все же эта раса гигантов победила владыку мира в четырех больших битвах. Было всего три народа, которые затмили звезду Рима: галлы, карфагеняне и кимвры. Бренн⁴ ошеломил Рим еще в колыбели. Едва Рим вступил в пору зрелости, ему пришлось сразиться с Карфагеном и Ганнибалом; с Карфагеном, господа, который был тогда самым сильным среди народов; с Ганнибалом, который был самым великим среди людей и оставался бы таким, если бы не было Цезаря и Наполеона.

Только кимвры вторглись в дома Рима, когда тот из дома диктовал законы миру, а мир в обмен на их законы давал ему ладан, сгоравший в храмах римских богов. Но поскольку господство было обещано Капитолию, нашелся человек, сумевший смыть кровью варваров оскорбления Рима. Этим человеком был Марий⁵, который вернул сыновей кимвров на север и освободил римских матрон от их оскверняющего присутствия. Когда кимвры были полностью разбиты, их женщины, охваченные свирепым отчаянием, поносили своих мужей, оскорбляли

¹Доносо Кортес ошибается; сражение римлян с кимврами произошло в 113 г. до н.э. (битва при Норее) в год консульства Гнея Папирия Карбона.

²Гай Цецилий Метелл Капрарий (ум. после 99 г. до н.э.) — консул 111 года до н.э.

³Гней Папирий Карбон (?–112 г. до н.э.) был консулом в 113 г. до н.э.; разбит кимврами при Норее, осужден за это поражение и приговорен к смерти. Покончил с собой.

⁴Имеется в виду Бренн — предводитель сенонов (кельтское племя), возглавивший знаменитый победоносный поход на Рим в 387 г. до н.э. Доносо Кортес, очевидно, отождествляет кельтов и галлов.

⁵Гай Марий (158–86 гг. до н.э.) — римский политик и полководец, семикратный консул Республики. Прославился как победитель Югурты. Известен также реформой римских легионов.

своих отцов и, будто сомнамбулы в бреду, бросались под смертоносные колеса своих повозок, которые, без сомнения, впервые привели их к позору, а не к победе.

Со времени их первого вторжения вплоть до разрушения империи мы не знаем бранных дел скандинавских народов. Но во время завоевания и в Средние века они вновь появляются в мире, как пираты, которые, бороздя моря без Бога и закона, были среди первых, кто не только предстал, чтобы подобрать наследство побежденных цезарей, но и пригрозил ярмом своего второго вторжения народам-победителям. Известные уже в V веке благодаря своим знаменитым и всегда гибельным набегам в германском океане и на побережье Галлии, они заволокли под именем саксов архипелаг Великобритании, подчинив его своему владычеству. В конце IX века они под именем норманнов разграбили Париж и обосновались в Нейстрии, которая стала называться Нормандией. Вдохновленные своими победами, они проникли в Россию по Днепру и вновь избрали Англию целью своих опустошительных набегов. Альфред⁶ оспаривал их владения в пятидесяти шести ожесточенных сражениях, однако судьбой древних бриттов было страдать под тяжелой пятой скандинавских народов; и когда Альфред, более великий, чем его судьба, исчез со сцены, ее в качестве завоевателей заняли кимвры из Дании и датчане из Нормандии; первых вел Кнуд⁷, вторых — Вильгельм⁸, который сменил свою корону герцога на корону короля в битве при Гастингсе⁹. Наконец, господа, южная Европа, этот прекрасный Эдем, открытый для вторжений всех варваров мира, который заставил их забыть о ненастном небе и вечных, неизбежных снегах Севера, южная, повторяю, Европа была вторично осквернена этими новыми ордами новых варваров с Севера, знамена которых развевались перед Севильей, а затем остановились в Италии, где после череды великих свершений дали начало изобильному королевству Неаполя.

Если и есть раса, рожденная, чтобы склонять империи под свою руку, раса, чья любовь к полной независимости доходит до совершенного фанатизма, то это скандинавы. Непритязательные и крепкие, как все народы Севера, фанатично свирепые, как любой народ-завоеватель,

⁶Альфред Великий, король Уэссекса в 871–899/901 гг.

⁷Кнуд Великий — король Англии, Дании и Норвегии в 1016–1035 гг.

⁸Вильгельм I Завоеватель — герцог Нормандии с 1035 года, король Англии с 1066 по 1087 гг.

⁹Т. е. в 1066 году.

угрюмые и мрачные, будто туман, стелющийся по окружающим их морям, бурные, подобно волнам, покоренным ими, бесстрастные, поскольку привыкли доверять океану свое будущее и свою судьбу, – перед кем склонили бы свою выю эти неистовые пираты, тираны морей, несущие гибельные знамена всем народам¹⁰?

Такой человек, разумеется, был, и дикари-скандинавы подчинялись его благородному и чарующему голосу, будто гласу божества. Был человек, склонивший их головы под ярмо, обязавший их жить в теле народном, растворивший индивидов в социальном единстве, единственным представителем которого был признан именно он. Этим человеком, господом, был Один, и был он и бардом, и воином. Скандинавы, подчиняясь закону всех едва родившихся обществ, признали господство разума, когда увидели его сверкающим на челе, вдохновленном войной и поэзией.

Союзник Митридата в упорной борьбе, которую тот вел против Римской республики, Один был побежден легионами Помпея и покинул Азию в 70-х гг. до н. э. Он направился на север Европы. В ходе своих стремительных завоеваний, которые он начал с России и продолжил затем Саксонией, Скандинавией и всеми оставшимися землями Севера, Один повсеместно устанавливал единое правление, единые религию и культ. Согласно ирландским хроникам, о которых упоминает Малле¹¹ в своем «Введении в историю Дании», на Севере никогда не слышали речи более соблазнительной и понятной, чем у Одина. Им были изобретены руны, а первые аккорды, разлетевшиеся по тем необозримым краям, были аккордами его лиры. Север воздвиг ему алтари и признал его своим богом. Господа, это великолепное зрелище: народ, рыдающий на могиле, превращает ее в алтарь и, возглашая обожествление своего барда и вождя, провозглашает обожествление гения; обожествляя же гения, он обожествляет разум. Ведь мы не должны забывать, господа, что закон всех едва рожденных обществ в том, что создают их одни лишь гимны, а укрепляют только победы. И поскольку разум общества заключается в познании всего того, что его создает и делает сильным,

¹⁰В тексте — *naciones*.

¹¹Поль-Анри Малле (1730–1807) — швейцарский историк, автор трехтомной «Истории Дании» (Копенгаген, 1758–1777). Два наиболее известных его произведения: «Введение в историю Дании, где повествуется о религии, правах, законах и обычаях древних датчан» и «Памятники мифологии и поэзии кельтов и, в особенности, древних скандинавов» — вышли в 1755 и 1756 гг. Доносо Кортес ссылается как раз на «Введение в историю Дании...», которое он читал, по всей видимости, в оригинальном французском издании.

едва рожденное общество будет подчиняться разуму всегда, когда оно подчиняется тому, кто в мирное время — бард, в сражениях же — непобедимый вождь, так как создает такое общество только поэт, а делает сильным воин, создает его лира и делает сильным меч.

Когда народ-воин переходит от кочевой жизни к оседлой, а победители рассеиваются по завоеванной территории; когда они с целью консолидации своего господства расселяются среди побежденных, общество меняется. Появляются мирные ремесла, а война перестает быть первичной потребностью народа, поскольку он может жить в безопасности среди своих завоеваний и укрепляться минувшими победами. Совсем недавно для этого народа существовать означало сражаться и побеждать, сейчас для этого народа существование — это покой. Прежде он создавался песнями, ныне — законами. Раньше он был силен завоеваниями, ныне же — лишь развитием ремесел, и лишь занятия наукой ныне возвеличивают его.

Разум, следующий за обществом во всех превратностях его пути, и — дабы господствовать над ним — подчиняющийся закону всех общественных изменений, также меняется, переходя от непосредственности к рассудительности. Представителями общественного разума больше не являются певцы и победители, но считаются мыслители и учителя. Священник наследует власти барда, а законодатель — власти вождя. Общественный разум оставляет струны лиры и переходит под своды храма.

Такова, господа, история всех азиатских обществ; вот, например, как устроено изнутри общество Индии? Оно состоит главным образом из трех каст: каста побежденных, нечистая и проклятая, поскольку это каста слабых и невежественных; каста воинов, то есть завоевателей, и каста брахманов, то есть жрецов. Побежденные — рабы воинов, ведь слабость — это рабыня силы; воины подчиняются брахманам, потому что сильные должны подчиняться мудрым; брахманы подчиняются одному лишь Богу, поскольку разум единственно должен подчиняться абсолютному уму; разум человеческий единственно должен повиноваться разуму божественному.

Египет пока еще остается для нас тайной, покрытой мраком, огромной загадкой, поскольку греки видели его лишь после эры фараонов¹²,

¹²По всей видимости, отсылка к грекам обусловлена находкой и расшифровкой Франсуа Шампольоном знаменитого Розеттского камня (1822 год), на котором одна и та же надпись дублировалась иероглифическим письмом, демотическим письмом и по-гречески. На момент произнесения Доносо Кортесом публикуемой нами лекции прочтение текста на Розеттском камне было практически «передним краем науки» — лишь в 1824 году вышла

длившейся тысячу лет, в течение которых египетская цивилизация развернулась во всей своей чистоте. Тем не менее он показывает нам то же, что и Индия; он также разделен на касты, и первая из них — каста жрецов, которые правят обществом железным скипетром. В Египте, как и в Индии, и в Персии, как в Индии и в Египте, цари были обречены на вечную опеку. Жрецы — единственные хранители знания — как единственные наследники вековых традиций, следили за их поведением, надзирали за всеми их действиями и определяли всю их жизнь до самых мелочей. Так и получается, господа, что в азиатских обществах народ был рабом царей, а цари — рабами жрецов. Троны давили на людей, алтари — на троны; общество было рабом власти, но и общество, и власть были в рабстве у разума.

Если в этот период общественного развития появляется человек, которому благоволят Небеса, если на его предреченном челе видны знаки гения законодателя и разума жреца, если, опоясываясь ножом для жертвоприношения, он берет в руки таблицы закона, такой человек увидит лишь склоняющиеся перед ним головы и повинующиеся ему воли, услышит лишь ропот согласия, откликающийся на его голос. Он увидит рабов, которые следуют за ним, и, наконец, народ, который его превозносит. Таков был Моисей, когда с ногами, окутанными облаком, и челом, увенчанным лучами, он явился пред очами народа Израилева на склонах Синая. Таков был и народ иудейский, когда, простираясь и внимая чудесной драме, единственными актерами в которой были Бог и Его пророк, увидел Моисея, приближающегося медленно и величественно, подобно чудесному свету божественного разума.

Таким образом, с философской точки зрения Моисей для народа Божия является тем же, что и Один — для скандинавских народов. Первый — это представитель разума, присущему обществу высвобождающемуся, переходящему от периода непосредственности к периоду рассудительности, свойственному человеческим обществам; второй же — представитель разума, свойственного обществу едва родившемуся. Один покоряет, как бард, и повелевает, как воин; Моисей господствует, как законодатель, и покоряет, как пророк.

главная работа Шампольона по египетской иероглифике (*Précis du système hiéroglyphique des anciens Égyptiens ou Recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée, sur leurs diverses combinaisons, et sur les rapports de ce système avec les autres méthodes graphiques égyptiennes*. Paris: Chez Treuttel et Würtz, 1824) и по ее поводу продолжались активные научные дебаты.

Наконец, господа, если мы просмотрим кодекс Моисея и все прочие кодексы законодателей Азии, мы увидим, что они похожи один на другой, поскольку все они выражают наиболее полным образом все человеческое знание в эти смутные и темные времена. Господство законодателя в них всеобъемлюще, абсолютно. Всякий отдельный человек, воспринимаемый как человек нравственный, всякое племя, трактуемое как совокупность людей, создающих его, — всех их воодушевляет и оживляет его вездесущий разум. Как человек, так и семья; как семья, так и общество подчиняются его законам. Никто не противится, никому не хватает воли сопротивляться его действию, поскольку его действия разумны, они создают общество и цивилизуют его. Законодатель предстает воплощением самого разума.

Разум, таким образом, господствует как в обществах, которые находятся в состоянии покоя, так и в только зарождающихся обществах; как в вечных и недвижимых обществах Азии, так и в бурных обществах Севера Европы; как на туманных пляжах Балтики, так и на мирных берегах Инда. Оставим же, наконец, эти края и — прежде чем переходить к заключению этой лекции — посмотрим на Грецию, оставив для следующей лекции разговор об истории наших дней.

История Греции может быть разделена на три больших периода: младенчество, взросление и период ее наиболее полного развития. Период ее младенчества — это время поэзии. Период ее взросления — это время греческих законодателей и их постановлений. Последний период — это время философов. Первый из этих периодов — область мифов, остальные — истории. Но как миф, так и историю относят, господа, к области философии. Ведь миф представляет собой самое чистое и бесхитрое изображение примитивного состояния человеческих обществ.

Итак, господа, во времена младенчества Греции, как рисует их миф, я вижу бардов, которые создают общество, и воинов, укрепляющих его победами. Амфион получает лиру из рук Аполлона, и под волшебные звуки его чарующей лиры поднимаются стены Фив. Орфей получает от бога другую лиру, и благодаря ее нежнейшим аккордам сдвигаются с мест камни, шепчут молчаливые леса, шумят родники, укрощается дикий фракиец, ведь вся природа поет и даже мраморные статуи вздыхают. И когда, покинув землю, Орфей проникает в глубины ада, в темные края смерти, то даже там под звуки его лиры замолкает Цербер, не выют свои кольца змеи, останавливается колесо Иксиона. И уступает его напевам Тисифона, и рассеивается мрак, и стихают бури. Царство Плутона и Прозерпины перестает быть дворцом молчания и боли.

Вы видите, как Греция, подчиняясь закону всех рождающихся народов, приходит в мир, когда напев поэта наполняет ее грудь гармонией. Всякое едва родившееся общество создается напевами, укрепляется и расширяется войной. И потому всякое едва родившееся общество имеет своего барда и вождя. Вот почему Греция, которая обессмертила поэта из Фив¹³ и законодателя из Фракии¹⁴, обессмертила также и Геракла, Ахилла и Тезея. Период ее младенчества, который начинается бардом из Фив, заканчивается бардом из Смирны. Великолепный период, господа, который начинается с Амфиона и заканчивается Гомером! Гомером, блистающим солнцем вдохновенного разума, солнцем, которое никогда не закатывается, солнцем, которое вечно сияет на горизонте народов на протяжении веков.

Теперь мы входим во второй период Греции, когда были созданы ее законы. Это время Ликурга и Солона, время, когда два великих человека оказывают свое влияние на два великих города: на аристократическую Спарту и демократические Афины. Я упоминаю этот период, господа, чтобы вы увидели вместе со мной, что законы нравственного мира, так же как и законы физического, определены, постоянны и недвижимы. Ведь в самом деле, если едва рожденная Греция, следуя закону младенческих обществ, подчинилась разуму, явленному в барде и воине, повзрослевшая Греция, следуя закону взросления наций, подчиняется — как подчинялись и азиатские общества — разуму, представленному уже не воином и бардом бродячего племени, а законодателями народов. Впрочем, если человечество всегда равно самому себе, потому что подчиняется одним и тем же Божественным законам, оно также и отлично от самого себя, потому что подчинено иным, постоянно меняющимся законам. Поэтому Греция похожа на Индию, поскольку — как и она — признает господство разума; но и образует видимый контраст с ней, поскольку признает господство разума, отличного по своей форме от разума, признаваемого всеми азиатскими обществами. Греция, как и Индия, подчиняется разуму, представленному ее законодателями, и в этом их сходство; но в Индии законодатели принадлежат к привилегированному классу брахманов, а в Греции — к общему классу всех граждан,

¹³«Поэт из Фив» и ниже — «Бард из Фив» — Амфион, мифический царь Фив, сын Зевса и Антиопы, муж Ниобы.

¹⁴Т. е. Ликург Спартанский (прим. VIII в. до н. э.).

и в этом их отличие. Этот второй период, когда греки укрепляются посредством законов и вступают в контакт с миром посредством колоний, завершается основанием Византия в 658 г. до н. э.¹⁵

На этом завершается эра законодателей и начинается эра философов. Она длится до битвы при Херонее¹⁶, и это самое прекрасное время из всех великих плодотворных и прекрасных периодов в истории. Общество в этот период не подчиняется ни разуму, воплощенному в барде или в войне, ни разуму, представленному законодателем, но лишь разуму, явленному посредством философии. В это время разум уже не является исключительным достоянием одного человека, вдохновленного богами, но становится общим правом всех талантливых людей; он переходит из храма божества к семейному очагу.

Чтобы можно было лучше понять влияние философов на греческое общество в течение описываемого периода, позвольте мне сделать здесь несколько наблюдений, по-моему, полезных, а возможно, и необходимых.

Область действия законодательства меняется в каждом из периодов, на которые разделяется история народов. Законодательство народов, едва родившихся, и народов, оказавшихся под ярмом теократии, распространяется не только на общество, но и на составляющих его индивидов. Оно регулирует не только публичную жизнь государства, но и частное поведение людей, поскольку, на взгляд законодателя, законодательство и мораль, обычаи и законы, суть одно и то же. Однако, когда общество переходит из периода младенчества в период взросления, когда разум, не помещаясь уже в храме, разливается по городам, когда туника жреца сменяется мантией философа, законы и обычаи разделяются. Законодательство живет на форуме, мораль укрывается у домашних очагов и стихийно развивается в сфере человеческой индивидуальности.

Таким образом, господа, когда законы не регулируют обычаи, а законодатели говорят, что они некомпетентны, чтобы судить о нравственной стороне действий, необходим новый институт, который следил бы за моралью и сохранял бы в первозданной чистоте обычаи, покинутые

¹⁵Согласно сохранившейся традиции, Византий был основан Бизантом (= Византом) из Мегары в 667 году до н. э.

¹⁶Т. е. до 338 г. до н. э. В сражении при Херонее македонские войска под командованием Филиппа и Александра Македонских разбили союзное войско греческих политий. Проведенный затем Коринфский конгресс положил конец самостоятельному существованию греческих полисов, включив их в сферу влияния растущей Македонской державы.

законодателями. Римская республика, чье устройство по крепости превосходило все в мире, чье чутье на все, что помогает расти и сохраняться, никогда не обманывало ее на протяжении всех превратностей ее удивительной истории, нашла лекарство от некомпетентности законов в семейном суде и в трибунале цензоров. Христианский мир нашел средство от той же болезни в проповеди, доверенной священнику. Уже в греческом обществе законодатель не сумел охватить узким кругом законов частную мораль, сохраняющую в чистоте семью, и мораль публичную, оживляющую и усиливающую государство. Трибунала цензоров, который смог бы восполнить недостаточность законов, там не существовало; и проповедь, которая с успехом заместила бы трибунал цензоров, могла появиться лишь вместе с христианством. В итоге трон нравственного мира оказался вакантен. Потому его захватили философы и драматурги, поделив между собой нравственное воспитание и управление обычаями. Первые занимались этим в школах, вторые — в театрах. Первые прибегали ради этого к теориям о природе божества и природе человека; вторые — к своим трагедиям, в которых обрекали великих преступников на ужасные несчастья. Первые упражняли ум, вторые — очерчивали пределы человеческой воли. Первые расширяли горизонты разума, вторые — приносили разрушительные страсти в жертву на алтаре эвменид.

Какое же зрелище представляла тогда Греция, где господствовала философия? Единственное, господа, во всей истории человечества. Зрелище народа, погребенного под лаврами, поскольку каждый из его сыновей сплетал себе свой собственный венок. Венками были увенчаны победители при Марафоне, Саламине и Платеях¹⁷. Лавры им дал Геродот, величием подобный Юпитеру, породившему Минерву, поскольку, рассказывая на Олимпийских играх о битвах победителей, он порождает историю. Лаврами увенчаны основатель Академии¹⁸ и основатель Лицея¹⁹, достигшие в своем величественном полете пределов человеческого разума, когда, повинувшись их голосу, афинянин стал гением философии. Лаврами увенчаны те, кто, вдохновленный богами, оживлял мрамор и холст, вынуждая гения искусств жить на Парфеноне, оставив Олимп.

¹⁷Битвы при Марафоне и Платеях — крупные сухопутные сражения греко-персидских войн, в которых греки разгромили персидские войска. Произошли в 490 и 479 гг. до н. э., соответственно. Битва при Саламине — знаменитое морское сражение греческого и персидского флотов, происшедшее в 480 г. до н. э. и закончившееся победой греков.

¹⁸Т. е. Платон.

¹⁹Т. е. Аристотель.

И — будто бы в великолепном венце Греции не хватало еще одного прекрасного цветка — рождается Демосфен, а с ним в публичное пространство вторгается величественный и прекрасный гений трибуны.

Демосфен, господа, был последним и самым ярким из всех граждан. Новое зрелище предстает перед нами. Историки исчезли. Философы исчезли. Художники исчезли. Воины исчезли. Ораторы тоже исчезли. Греция осиротела, потому что разум покинул ее очаги. Греция облачена во вдовий траур, потому что ее покинула слава. Ее лавры иссохли, ведь все ее великие граждане покоятся в могилах. Греция слабеет, ведь, дабы утешить ее в ее сиротстве, на горестном ложе возлегают с ней софисты, которые всегда появляются, чтобы свести в могилу народы, бьющиеся в агонии, когда разум оставил их, а боги прокляли. Они дали Сократу цикуту, они привели свою родину, будто жертву на алтарь, на мрачные поля Херонеи, в просторную могилу ее славы.

Господа, софисты вновь появились в Европе наших дней. Те, кто вверг Францию в пучину варварства, скрыв ее лик погребальным саваном и передав золотой скипетр от разумной аристократии народным массам, — это софисты! Те, кто провозглашает сегодня подрывные идеи, изобретенные еще теми софистами, — это софисты! Те, кто, не понимая власти без деспотизма и свободы без анархии, не может повелевать, не становясь тиранами и не умеет повиноваться, не начиная плести заговоры, — это софисты!

Однако их последний час уже наступает: нынешняя молодежь, которая идет вперед вдумчиво и молчаливо, очистит землю от чудовищ. Ее миссия велика, великолепна, возвышенна; чтобы ее исполнить, должно неустанно размышлять о вечных началах нравственного мира; нужно изучать с жадными глазами историю; следует склонять чуткий слух к грохоту революций; и должно просить у времени, чтобы оно раскрыло тайны прошедших эпох. Господа, когда молодежь выйдет на политическое ристалище, она победит, завершив этот одинокий бой. Победит и пойдет бесстрашная с презрением на губах и тяжестью разума на челе между гильотиной и костром, между инквизитором и палачом.

ЛИТЕРАТУРА

Доносо Кортес Х. Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция первая (22 ноября 1836 г.): Об обществе и правительстве / пер. с исп. Ю. В. Василенко // Социологическое обозрение. — 2015а. — Т. 14, № 2. — С. 31–40.

- Доносо Кортес Х.* Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция вторая (29 ноября 1836 г.): О народном суверенитете / пер. с исп. Ю. В. Василенко, А. В. Мареев // Социологическое обозрение / под ред. А. В. Мареев. — 2015b. — Т. 14, № 3. — С. 80–92.
- Василенко Ю. В.* Третья «Лекция по политическому праву» Х. Доносо Кортеса // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 123–135.
- Доносо Кортес Х.* Теория деспотизма : третья лекция из цикла «Лекции по политическому праву», прочитанная в Мадридском Атенео 6 декабря 1836 г. / пер. с исп. Ю. В. Василенко ; под ред. А. В. Мареев // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 136–154.
- Donoso Cortés J.* Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección séptima. 24 de enero de 1837. De la soberanía de la inteligencia considerada en la historia // Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. En 4 vols. Vol. III. — Madrid : Casa Editorial de San Francisco de Sales, 1904. — P. 223–240.
- Donoso Cortés J.* Filosofía de la Historia. Juan Bautista Vico // Cuadernos sobre Vico. — 2004–2005. — 2005. — N° 17/18. — P. 489–526.
- Mallet P.-H.* Introduction à l'histoire de Dannemarc, où l'on traite de la religion, des loix, des moeurs et des usages des anciens Danois. — Copenhague : Ludolphe-Henri Lillie for Claude Philibert, 1755.
- Núñez Sessé T.* Principios de La Ciencia Social o de Las Ciencias Morales y Políticas, Por El Jurisconsulto Inglés Jeremías Bentham, Ordenados Conforme Al Sistema Del Autor Original y Aplicados a La Constitución Española Por. — Salamanca : Imprenta Nueva, por Bernardo Martín, 1755.
- Villalobos Domínguez J.* El hacha niveladora: Donoso Cortés y Vico // Cuadernos sobre Vico. — 1991. — N° 1. — P. 55–67.

Donoso Cortés, J. 2020. "O suverenitete razuma, rassmotrennom primenitel'no k istorii [On the Sovereignty of Reason Taken with Reference to History]: sed'maya leksiya iz tsikla 'Lektsii po politicheskomu pravu', pročitannaya v Madridskom Ateneo 24 yanvarya 1837 g. [Seventh Lecture from 'Lectures on Political Right' Delivered at the Ateneo of Madrid on the 24th of January, 1837]" [in Russian], trans. from the Spanish and annot. by Yu. V. Vasilenko. With an intro. by A. V. Marey. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 175–196.

JUAN DONOSO CORTÉS

ON THE SOVEREIGNTY OF REASON TAKEN WITH REFERENCE TO HISTORY

SEVENTH LECTURE FROM "LECTURES ON POLITICAL RIGHT"

DELIVERED AT THE ATENEO OF MADRID ON THE 24TH OF JANUARY, 1837

Translation of: Donoso Cortés, J. 1904. "Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección séptima. 24 de enero de 1837. De la soberanía de la inteligencia considerada en la historia" [in Spanish]. In vol. III of *Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas*, 223–240. 4 vols. Madrid: Casa Editorial de San Francisco de Sales.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-175-196.

REFERENCES

- Donoso Cortés, J. 2004–2005. "Filosofía de la Historia. Juan Bautista Vico" [in Spanish]. *Cuadernos sobre Vico*, nos. 17–18: 489–526.
- . 2015a. "Lektsii po politicheskomu pravu, pročitannyye v Madridskom Ateneo. Lektsiya pervaya (22 noyabrya 1836 g.): Ob obshchestve i pravitel'stve [Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección primera. 22 de noviembre de 1836. De la sociedad y del gobierno]" [in Russian], trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 14 (2): 31–40.
- . 2015b. "Lektsii po politicheskomu pravu, pročitannyye v Madridskom Ateneo. Lektsiya vtoraya (29 noyabrya 1836 g.): O narodnom suverenitete [Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección segunda. 29 de noviembre de 1836. De la soberanía del pueblo]" [in Russian], ed. by A. V. Marey. Trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko and A. V. Marey. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 14 (3): 80–92.
- . 2017. "Teoriya despotizma [The Theory of Despotism]: tret'ya leksiya iz tsikla 'Lektsii po politicheskomu pravu', pročitannaya v Madridskom Ateneo 6 dekabrya 1836 g. [Third Lecture from 'Lectures on Political Right' Delivered at the Ateneo of Madrid on the 6th of December, 1836]" [in Russian], trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko. Ed. by A. V. Marey. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2): 136–154.
- Mallet, P.-H. 1755. *Introduction à l'histoire de Dannemarc, où l'on traite de la religion, des loix, des moeurs et des usages des anciens Danois* [in Spanish]. Copenhagen: Ludolphe-Henri Lillie for Claude Philibert.
- Núñez Sessé, T. 1755. *Principios de La Ciencia Social o de Las Ciencias Morales y Políticas, Por El Jurisconsulto Inglés Jeremías Bentham, Ordenados Conforme Al*

- Sistema Del Autor Original y Aplicados a La Constitución Española Por* [in Spanish]. Salamanca: Imprenta Nueva, por Bernardo Martín.
- Vasilenko, Yu. V. 2017. “Tret’ya ‘Lektsiya po politicheskomu pravu’ Kh. Donoso Kortesa [The Third ‘Lecture on Political Right’ by J. Donoso Cortés]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 1 (2): 123–135.
- Villalobos Domínguez, J. 1991. “El hacha niveladora: Donoso Cortés y Vico” [in Spanish]. *Cuadernos sobre Vico*, no. 1: 55–67.